

Память, воображение и литературное творчество как истоки историзма в произведениях А.С. Пушкина

Стебенева Людмила Васильевна*

доцент, Академия социального управления,
Москва, Россия.

(дата получения: декабрь 2016 г.; дата принятия: февраль 2017 г.)

Аннотация

В статье дан анализ проведенных за последние пять лет научных работ, посвященных не только исторической теме пушкинских произведений, но и историзму как феномену творческого сознания А.С. Пушкина. В отличие от традиционно рассматриваемых аспектов нами исследован генезис пушкинского чувства истории. Запечатленные в памяти народа события, или история, всегда интересовали Пушкина. Однако в художественном мире Пушкина право на память принадлежит поэту. Воспоминания инспирируют творческое вдохновение лирического субъекта, и стесненная «лирическим волнением», память в определенный момент становится воображением, вдохновением. Пушкинский поэт не только хранит память о прошлом, но и постигает истину, провидит будущее. Так, у Пушкина историческая правда и пророчество о будущем взаимодействуют друг с другом в модусе вдохновения поэта. Именно поэтические коннотации дают неожиданный ракурс исторической трагедии Пушкина «Борис Годунов».

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Память, Воображение, Литературное Творчество, Поэт, История.

---

* E-mail: lvstebeneva@mail.ru; УДК 821.161.1

Memory, imagination and literary creativity as origins in the works of A. S. Pushkin

Stebeneva Lyudmila Vasil'evna *

Associate Professor, Academy of Social Management,
Moscow, Russia.

(date of receiving: December, 2016; date of acceptance: February, 2017)

Abstract

The article analyses the research carried out during the last 5 years, which is dedicated not only to a historical theme in Pushkin's works, but also historicism as a phenomenon of A.S. Pushkin's creative mind. In contrast with traditionally considered aspects of Pushkin's historicism, the author analyses the genesis of Pushkin's perception of history. The events imprinted in the memory of the people were always deeply interesting for A.S. Pushkin. In Pushkin's works the memory belongs to the poet. Reminiscences inspire the lyrical subject: memory, in the state of "lyrical excitement", is transformed into imagination and inspiration. However, Pushkin's poet does not only keep the memory of the past, he also apprehends the truth, foresees the future. So, in Pushkin's fictional world the historical truth and the prophesy about the future are combined, they interact and determine each other in the poet's inspiration. It is the poetic connotations that add an unusual dimension to Pushkin's historical tragedy "Boris Godunov".

Keywords: Pushkin, Memory, Imagination, Literary Creativity, Poet, History.

---

* E-mail: lvstebeneva@mail.ru

Вступление

А.С. Пушкина всегда глубоко интересовала история — великие события и личности, запечатленные в памяти народа. Традиционно историзм пушкинских произведений рассматривают в нескольких тематических аспектах. Это освещение и историософское осмысление событий истории («Борис Годунов», «Полтава», «Медный всадник»), раздумья об исторических личностях и их влиянии на историю и нравы (например, темы Наполеона и Петра I), изображение культурно-исторических эпох («Маленькие трагедии», «Евгений Онегин»), наконец, собственно исторические разыскания Пушкина («История Петра», «История Пугачева»). Интерес к пушкинскому взгляду на историю в выделенных аспектах продолжается по сей день.

Так, П.А. Горохов, анализируя в пушкинских текстах события исторического прошлого России, связывает пушкинское понимание развития исторического процесса с деятельностью великих людей. Пушкинскую философию истории исследователь определяет как «синтез поэзии, истории и философии» (Горохов 2015. 96).

А.О. Мещерякова уделяет внимание историческому аспекту, связанному с политическим консерватизмом поэта, его пониманием цивилизационного противостояния России и Запада, и определяет творчество Пушкина 1830-х годов как время «зрелости консервативного мировоззрения поэта» (Мещерякова 2015. 74)

В монографии Т.А. Кошемчук пушкинские исторические прозрения осмыслены в ключе историософии, «исходный пункт» которой — «христоцентризм истории»: пушкинское чувство истории зиждется на постижении Боговоплощения как центрального события истории человечества (Кошемчук 2016. 15). С этой точки зрения в ряде произведений рассматривается пушкинское понимание силы и двигателя истории — *Провидения* как «силы нравственной», являющейся критерием деяний человеческих в историческом процессе (Кошемчук 2016. 19).

В статье «О пророчествах А.С. Пушкина» Ю.М. Никишов рассматривает

«формы переживаний, опережающих событие», пушкинские предсказания, проверенные уже сбывшимися событиями, самой историей (Никишов 2015. Элек. ресурс).

Не упуская из внимания выделенные аспекты, в нашей работе предлагаем проследить генезис пушкинского чувства истории, инспирированного, как нам представляется, чувством поэтическим. Главный его императив – *память*, противостоящая сокрушительной силе времени.

Основная часть

В незаконченной болдинской повести А.С. Пушкина «История села Горюхина» (1830) несостоявшийся поэт и будущий автор истории села, Иван Петрович Белкин признает, что его занятия историей стали следствием отсутствия поэтического и писательского дара, и противопоставляет труд историка писательскому: «Мысль оставить мелочные и сомнительные анекдоты для повествования истинных и великих происшествий давно тревожила мое воображение» (8, 132)¹. Казалось бы, идея правильная. Однако пушкинское наследие демонстрирует постоянное взаимодействие мотивов *памяти, воображения и литературного творчества: поэзии с историей* и наоборот.

Так, уже в ранней лирике Пушкина, органично усвоившего и впитавшего каноны существующих поэтических жанров, появляется мотив *памяти* (не без явного элегического влияния), которому иногда созвучна тема вины. В целом ряде произведений просматривается следующий сюжетный рисунок: разлука героев → иногда смерть одного из них → оставшийся *помнит* о прошлом и не может избавиться от чувства *вины* («Оскар» (1814), «Романс» («Под вечер

---

1. Здесь и далее в скобках после выдержек указываются том и страницы по изданию: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17-ти т. – М.: Воскресенье, 1994 – 1997. Далее микроцитаты приведены без кавычек и выделены курсивом, в закавыченных цитатах курсив наш – *Л.С.* В приводимых выдержках сохранены некоторые особенности орфографии А.С. Пушкина и его эпохи.

осенью ненастной...») (1814), поэма «Братья-разбойники» (1821–1822) и др.). Заметим, что пушкинские герои испытывают чувство вины и предаются воспоминаниям осенью. Так, в стихотворении «Осгар» рассказ о любви, неверности и смерти завершается картиной, определяющей *осень* как особое время *памяти*: «*Лишь в осень* хладную, безмесячной порою <...> Над камнем гробовым *уныла тень* сидит» (1, 30).

Знаменательно, что в этом раннем поэтическом опыте Пушкина правом на *память* обладает *певец веков минувших*, призывающий проходящего мимо путника почтить «геройства чад, могилы сном уснувших» (1, 29). Силой и мощью в этом стихотворении исполнен образ *водопада* – материализованного времени перед взором старого *барда*, свидетеля целой эпохи: «Склонясь седым челом над воющим потоком В безмолвии, времен он созерцал полет» (Там же). Экспрессия противостояния в том и состоит, что *поэт хранит память* о минувшем над водой, традиционно отождествляющей силу времени — *забвение*. Определенно, пушкинский «Осгар» перекликается с державинским «Водопадом» (1791–1794), в котором возникает и образ времени — *водопад*, и «некий *муж седой*», даже упоминается *осень*: «Сошла *октябрьска ночь* на землю». Однако найденные совпадения в оде Державина исторически конкретны: под *седым мужем* разумеется фельдмаршал П.А. Румянцев, стихотворение посвящено смерти Г.А. Потемкина, случившейся в ночь на 5 октября 1791 г. Гениальный ученик же, в чем-то цитируя «лучшее произведение Державина», создает уникальный образ *поэта* – хранителя *памяти* о прошлом. Уже в этом пушкинском стихотворении отчетливо просматривается связь *поэзии с памятью и осенью*.

(Позднее в поэме «Езерский» (1832), начинающейся с описания *осени*, Пушкин буквально продемонстрирует причастность *поэта истории*. Эта пушкинская логика просматривается и в поэме «Медный всадник», в которой повествуется о бедствии, случившемся действительно *осенью*, и говорится о «*поэте, хранителе памяти и истории*» (Гайворонская 2011. 64), правда, в саркастическом ключе: «Граф Хвостов, *Поэт, любимый небесами, Уж пел*

бессмертными стихами Несчастье невских берегов» (5, 145).)

Стихотворения 1816 года «Осеннее утро», «Разлука», «Наездники» интересны тем, что в них к теме *осеннего* расставания присоединяется тема *поэта* и его *творчества*, которое позволяет преодолеть «сердечную» боль. Наиболее явно об этом говорится в стихотворении «Разлука»: «Забудемся, в мечтах потонет мука; <...> Мою печаль услодой Муза встретит» (1, 155). И в «Осеннем утре» лирический герой с элегической грустью гуляет *осенью* по «опустелым дубравам» с именем *незабвенной* на устах: «Задумчиво бродя в глуши лесов, Произносил я имя несравненной; Я звал ее – и глас уединенный Пустых долин позвал ее в дали. К ручью пришел, мечтами привлеченный» (1, 154). Между тем он очень напоминает *поэта* последующих зрелых пушкинских программных стихотворений — *поэта*, извлекающего рифмы из шумов вод, лесов и ветра, в ситуации поэтического побега: в «locus’е дубрав у воды» (Гайворонская 2012. 168).

С мотивом *памяти* органично связана и тема бессмертия поэта и поэтического творчества. Вопрос о *забвении творческого наследия* чрезвычайно остро поставлен Пушкиным в целом ряде стихотворений, начиная с «В альбом Илличевскому» (1817) и заканчивая «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (1836), в котором «вопросы о тленном и бессмертном достигают наивысшего напряжения» (Стебенева 2013. 96). Очевидно, Пушкин «через онтологическую сущность поэзии осмысляет бессмертие, возможное благодаря памяти поэта-собрата, поэта-потомка» (Стебенева 2013. 97-98). Именно в согласии с этой пушкинской мыслью и объединены темы *поэта*, *осени* и присущей ей *памяти*. С одной стороны, пушкинскому поэту принадлежит право на *память* о прошлом. С другой стороны, он стремится преодолеть перипетии судьбы уходом в творчество *осенью* и тем самым оставить *память* о себе.

В трагической ситуации *творчество* избавляет от мук утраты: *блаженное золотое время* (день/ ночь / час / минуты), сжимаясь в *памяти*, становится почти *мигом*. Погружение в *воспоминания* происходит на грани *воображения*,

придающего прошлому сладость и окрашивающего ушедшие события в светлые тона. Об этом свойстве *памяти* Пушкин позднее скажет в стихотворении 1825 года «Если жизнь тебя обманет»: «Всё мгновенно, всё пройдет; Что пройдет, то будет мило» (2, 365). В зрелом стихотворении «Андрей Шенье» (1825) Пушкин вновь говорит о превращении *воспоминания* в *творческое вдохновение*, по крайней мере, об их обусловленности: «*Пора весны его с любовью, тоской Промчалась перед ним <...> Всё вместе ожило; и сердце понеслось Далече... и стихов журчанье излилось*» (2, 354).

Со всей определенностью наметившаяся в раннем творчестве Пушкина связь мотивов *памяти, осени и поэтического творчества* получает мощное развитие в стихотворении «19 октября» 1825 года («Роняет лес багряный свой убор»). Лицейская годовщина, вынесенная в заглавие, открывает в зрелой лирике Пушкина серию стихотворений, исторически окрашенных (по крайней мере, еще два одноименных 1827 и 1828 годов, а также «Воспоминания в Царском Селе» (1829)), сложный семантический комплекс которых составляют события исторические и автобиографические — пиры, войны, потеря друзей... Лирический шедевр 1825 года посвящен теме *памяти*, лечащей «горькие муки» вынужденного одиночества. В предельно трагичной ситуации опального *поэта* утешают друзья («прекрасен наш союз!» (2, 375)), которых связывает и общее прошлое (*память*), и «служенье муз» (*поэзия*). На завершающем этапе *воспоминания* автора граничат с *поэтическим творчеством* в призыве: «Я жду тебя, мой запоздалый друг – Приди; *огнем волшебного рассказа Сердечные преданья оживи; Поговорим о бурных днях Кавказа, О Шиллере, о славе, о любви*» (2, 376). Эту психологию поэтического творчества Пушкин отобразит в «Осени» (1833): «стесненная лирическим волненьем *память*» в определенный момент становится «*воображением, вдохновением*» (Гайворонская 2012. 175), воспоминание-воображение буквально «творит реальность».

Заметим, в зрелый период творчества Пушкин уже безо всякой оглядки на элегическую традицию в своих письмах связывает *осень* с *поэтическим*

вдохновением, обязательное условие которого — уединение в деревне: «Осень подходит. Это любимое мое время <...> пора моих литературных трудов настает...» (13, 170-171), — П.А. Плетневу от 31 августа 1830 г. и т.п.. Это глубоко пережитое личное чувство *поэтического уединения осенью* Пушкин «дарит» *поэтам* и героям своих произведений, волею случая или судьбы занимающихся творчеством.

Накопленные в лирике смыслы отрефлексированы Пушкиным в сюжетах прозы, особенно в «Истории села Горюхина» (1830), как в отдельной капле воды отразившей *историю* России. Эта незаконченная повесть имеет ряд совпадений с Предисловием «От издателя» к «Повестям Белкина» (1830), касающихся подставного *автора* цикла и простодушного *историка*. Это и принадлежность к одной фамилии, роду Белкиных, и рождение «от честных и благородных родителей», и получение первоначального образования от деревенского дьячка, а главное — общая для обоих Белкиных *охота* к чтению и занятиям «по части русской словесности». Эти почти дословные тематические пересечения стали литературоведческой проблемой о соотношении истории замыслов и истории этих текстов. По мнению И.Л. Поповой, Пушкин «отдал» повести Белкину после того, как «основной автограф «Истории был оставлен», однако, сохранил ключевые «автобиографические» (белкинские) моменты незаконченной повести в Предисловии «От издателя» (Попова 1999. 199). Потому считаем возможным рассматривать «Историю села Горюхина» в качестве претекста к Предисловию.

Существенно различаются в биографиях Белкиных результаты их творческих усилий. Герой «Истории», безуспешно перепробовав литературные жанры, станет приверженцем *точного факта*. А «покойный автор» повестей оставит в *память* о себе первые плоды своего *вымысла*. Однако это разделение условно, поскольку хронографические изыскания историка выглядит анекдотично, как *старые побасенки*, а упомянутые повести, по сути,

— истории, не придуманные, но слышанные Иваном Петровичем «от разных особ». Как видим, недостатком воображения «отмечены» оба Белкина. Примечательно, что *возвращение* героя «Истории» в родительский дом Пушкин приурочит к *осени*: «День был *осенний* и пасмурный» (8, 128), и еще более симптоматично, что именно в это время героем овладеет *страсть к сочинительству* (за недостатком чтения): «В сей крайности пришло мне на мысль, не попробовать ли самому что-нибудь сочинить?» (8, 129). И на этот раз мотивы *памяти* и *литературного творчества* тесно переплетаются в фокусе пушкинской *осени*, однако поданы автором с большой долей иронии: *охота сочинять при отсутствии воображения* не тождественна *вдохновению поэта*.

Действительно, по Пушкину, богатство и разнообразие *вымысла* — главное и обязательное достоинство литературного произведения и непереносимое качество поэтического таланта. Тому подтверждение — многочисленные указания на отсутствие или наличие *вымысла* в разбираемых произведениях собратьев по перу. Так, в письме к Плетневу (4 – 6 декабря 1825 г.) Пушкин заметит относительно неудачной «Драматической шутки...» В.К. Кюхельбекера: «...духи <«Шекспировы духи» (1825). — Л.С.> — дрянь; стихов хороших очень мало; *вымысла нет никакого*» (13, 249). Таковая пушкинская оценка не случайна. В стихотворении, открывающемся пространным предисловием, подкрепленным заимствованиями из европейской мифологии, В.К. Кюхельбекер разворачивает аллегорию поэтического творчества, согласно которой духи буквально нашептывают мечты поэту. По видимому, Пушкина, обнаруживающего «онтологические интуиции в разных видах (от фольклорного и античного до христианского)» (Гайворонская 2012. 178), не устраивала схематичность поэтического творчества в изводе Кюхельбекера.

Итак, герой «Истории» поймет, что «*не рожден поэтом*», а после неудачных проб в прозе утвердится в желании стать *историком*: «Мысль

оставить мелочные и сомнительные анекдоты для повествования истинных и великих происшествий давно *тревожила мое воображение. Быть судьей, наблюдателем и пророком веков и народов казалось мне высшею степенью, доступной для писателя*» (8, 132). Ирония автора-творца в том и заключается, что несостоявшийся литератор захочет присвоить себе регалии пушкинского поэта (*пророка и апостола*), наделенного особым правом на *память*, а значит, и на *историю*. Знаменательно, что герой после сомнений в выборе темы подумает «*об опыте сельских проповедей*», осуществляя тем стремление стать *судьей и пророком*. Надо сказать, само представление о сохранении поэтом памяти о прошлом укоренено в церковной традиции бережного хранения преданий и их воспроизведения в богослужебных текстах. И в этом смысле желание Ивана Петровича Белкина абсолютно логично. Как часто бывает в пушкинском мире, «нечаянный случай» подскажет начинающему историку тему в виде «собраний старых календарей». Однако по своему содержанию и *велеречию исторический* труд Белкина не превзойдет потерявшего *прежнюю прелесть* Новейшего письмовника Курганова...

Контаминация смыслов в «Истории села Горюхина» и Предисловии «От издателя» к «Повестям Белкина» не отменяет поэтического императива в пушкинской исторической мысли о хранении памяти истинным поэтом. Действительно, в художественном мире Пушкина *и с т о р и я* — это события, запечатленные в *памяти поэта* и народа. Пушкина всегда интересовала связь подлинного факта и порожденной им легенды (как в стихотворении «Герой» (1830)). А потому неслучайны и закономерны последующие собственные архивные разыскания Пушкина во время работы над «Историей Петра» и «Историей Пугачева». Органическая связь *литературного творчества и истории* более всего и со всей очевидностью проявляется в авторском поведении Пушкина: первый роман в прозе мыслился им как *роман исторический*, и для автора художественная ценность романа как жанра заключалась в его *эпохальной достоверности*, историчности. Сам факт, что

<«Арап Петра Великого»> (1827) так и не был закончен, доказывает высокую требовательность Пушкина к исторической мысли. Знаменательно, что на пути к созданию такого романа Пушкин пишет множество именно исторических произведений (различных по жанрам и родам), среди которых выделяется глубиной прозрений «Полтава» (1828–1829), историософской и одической монументальностью «Медный всадник» (1833), бесконечной трагичностью незаконченный «Дубровский» (1833) и т. д. ...

Свершение замысла воплотилось в «Капитанской дочке» (1836), жанр которой определен автором как «семейные записки». Тем самым Пушкин осуществил свою заветную мысль: *самостоянье* отдельного человека зиждется на памяти рода, знании своих корней, а *история* страны — на *памяти* семей. Ранее эту пушкинскую мысль высказывает герой незаконченного «Романа в письмах» (1829): «Семейственные *воспоминания* дворянства должны быть *историческими воспоминаниями* народа» (8, 53).

Удивительно, *историческое* повествование «Капитанской дочки», впрочем, как и других исторических произведений — «Медный всадник», «Дубровский», преисполнено *поэтических* коннотаций, и об этом следует сказать в отдельной работе. Это и занятия Петра Гринева стихотворчеством, и провиденческий сон героя, в котором он узнал о будущем испытании, что согласуется с пушкинской логикой: «сны-предупрежденья удостаивают героев, отмеченных *воображеньем* и *мечтательностью* — приметами *поэта* в пушкинском мире» (Гайворонская 2011. 104). В высшей степени *поэтичность исторической* «Капитанской дочки» проявляется в совмещении автором хронологии исторических событий с собственным пониманием Провидения, одушевленной силой которого выступает вторгающаяся не в свое время метель. «Вопиющее несоответствие пейзажей и упоминаемого времени парадоксально свидетельствует о двойной последовательности автора. Пушкинская датировка обнаруживает стремление приблизить события романа к историческим. Однако пейзажные приметы раскрывают творческую логику

автора» (Гайворонская 2015. 80). Поэтический колорит прозаического произведения демонстрирует верность автора открытым в лирике смыслом, объединяющим *память, историю и поэзию...*

Все сказанное выше позволяет в иной, *поэтологической*, перспективе увидеть трагедию «Борис Годунов» (1825), в которой Пушкин, принявший именно «поэтическую» версию Н.М. Карамзина истории царя Бориса, задолго до прозаического романного опыта гениально воссоздал и историсофски осмыслил минувшие события *земли родной*. Особенно значимо, что личное чувство *памяти* подвигло Пушкина к созданию произведения, посвященного старшему другу и учителю — *поэту и историку* Н. М. Карамзину: «Драгоценной для россиян *памяти* Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его *вдохновенный*, с благоговением и благодарностью посвящает Александр Пушкин» (7, 3).

Главную для всей трагедии мысль и справедливую для всего творчества Пушкина высказывает в одной из первых сцен монастырский *летописец* (историк!) отец Пимен: сохранение *памяти* о прошлом есть «долг, завещанный от Бога» (7, 17). Эти слова задолго предвещают знаменитое кредо пушкинского поэта в «Памятнике» (1836): «Веленью Божию, о муза, будь послушна» (3, 424). По Пушкину, занятия историей и поэзией одного духовного корня. По слову отца Пимена, *память* о царях и народе должна свершаться в духовном измерении добрых и злых дел: «Да ведают потомки православных Земли родной минувшую судьбу, Своих царей великих *поминают* За их труды, за славу, за добро — А за грехи, за темные деянья *Спасителя смиренно умоляют*» (7, 17). Помнить значит *помянуть* с благодарностью или сугубой молитвой...

Труд летописца сродни писательскому, но избирательнее: «Не много лиц мне память сохранила, Не много слов доходят до меня» (Там же). Завет сохранить для потомков память о происходящих событиях отец Пимен передает иноку Григорию, не лишенному литературного дара. По свидетельству игумена, беглец «сочинял каноны святым; но знать грамота

далася ему не от Господа Бога...» (7, 24). Суровое требование игумена к грамотности, означающей здесь и *воображение*, и обладание *писательским даром*, напоминает о непреложности послушания Богу пушкинского *поэта*. И в этом смысле желание молодого инока *Божьего суда* Борису явно не от Бога. Оно замешано на *грамотности-воображении*: породит *легенду* о воскресшем царевиче и предрешит тем самым итог судьбы самого Григория. Симптоматично, что герой, отмеченный литературным талантом, трижды был предупрежден о грядущем искушении в *пророческом сне* (который в пушкинском мире сродни прозрениям *поэта* во *сне-вдохновении*), но счел страшное предзнаменование *бесовским мечтаньем*...

По Пушкину, духовное чувство-импульс литературного дара — *от Господа Бога* — непреложно, как некая точка отсчета в судьбе человеческой. Своеволие же, подгоняемое *бесовским мечтаньем*, уведет далеко от правды и истины. Показательно, что ступивший на путь *самозванства* Григорий искажает исполненные христианской любви наставления отца Пимена *поминать* деяния ушедших поколений с благодарностью или молитвой. Встретив сына опального князя Курбского, Самозванец произносит как будто бы примирительное слово: «Вины отцов *не должно вспоминать*; Мир гробу их!» (7, 52). Однако в слове этом нет настоящего примирения, как нет и молитвы, но есть призыв *забыть* о грехах отцов. В страшном заблуждении чувств и ума, помраченного *бесовским мечтаньем* занять царский трон любой ценой, даже приведением врагов на родную землю, Самозванец уверен: «Всё за меня: и люди и судьба» (Там же). Примечательно, что после этих слов ему присягают враги Отечества и «гонимые и обиженные» — предатели земли русской, иуды... Именно в этот момент появляется *поэт*, «кланяясь низко и хватая Гришку за полу» (7, 53). Эпизод этот требует особого внимания.

Появившийся персонаж назван *поэтом*, но насколько он глубоко и экзистенциально противоположен *пушкинскому поэту*! Низкие поклоны «поэта» и унижительные хватания Гришку за полу, которого он величает *великим принцем* и *светлейшим королевичем*, ошибаясь онтологически (а

пушкинский поэт причастен *истине* и постигает ее), и первые льстивые слова — «Примите благосклонно Сей бедный плод усердного труда» (7, 54) — все это идет вразрез с истинным служением пушкинского *поэта*, знающего себе цену и понимающего, Кому служит его лира. Бесспорно, главная заповедь пушкинского *поэта* выражена в строфах стихотворений, написанных с разницей в десятилетие: «К ногам народного кумира Не клонит гордой головы» (3, 65), «Веленью Божию, о муза, будь послушна» (3, 424). Однако заискивающий перед Самозванцем придворный стихотворец явно не исповедует ее. Последний штрих к неистинности представшего глазами публики «поэта» — *усердие* усилий, плодом которых стал так верно названный *бедный труд*: написание *латинских стихов*, приветствующих Гришку, было кропотливым, старательным *вымыслом*, а не наитием свыше, как у истинного поэта. (О свободе и легкости поэтического вдохновения, метафорически родственного ветру и восходящего «к одухотворению более высокого регистра» (Гайворонская 2012. 173): «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда идет» (Ин. 3:8), — как наития свыше говорится во многих произведениях Пушкина, но особенно выразительно — в документальном «Путешествии в Арзрум»: «Искать вдохновения всегда казалось мне смешной и нелепой причудою: вдохновения не сыщешь; оно само должно найти поэта» (8, 443)...)

Самозванец удостоверяет присутствующих в своей образованности-грамотности: узнает *латинской Музы голос* и говорит о своей любви к *парнасским цветам*, признает *друга-сочинителя*. Вдохновленный *бесовским мечтаньем* и не причастный Истине, Григорий «узнает» в преподнесенных стихах и свою *мечту*, льстиво прописанную чужим *усердным вымыслом*, и уверяет себя в непреложном ее исполнении: «Я верую в пророчества пиштов. Нет, не вотще в их пламенной груди Кипит восторг: благословится подвиг, Его ж они прославили заране!» (7, 54). Мысль, по Пушкину, в высшей степени справедливая: *поэт* не только хранит память о прошлом, но и постигает истину, провидит будущее. Однако ни в коей мере слова эти не применимы к

данной ситуации, поскольку пожалованное «поэтом» «пророчество» не было откровением свыше.

Апофеозом ситуации ошибок и ложных положений стало ответное дарение Самозванцем перстня «поэту» с красноречивым указанием: «В мое *воспоминанье* Прими сей дар» (Там же). Между тем дарение кольца или перстня символично и подразумевает наделение властью, связывание себя словом, обещание союза. Этим жестом Самозванец стремится запечатлеть союз с «поэтом» и тем самым сделать «пророчество» подлинным — заключить завет с судьбой, зная, что произносит заведомую ложь: «Когда со мной свершится *Судьбы завет*, когда корону предков Надену я; надеюсь вновь услышать Твой сладкий глас, твой вдохновенный гимн» (7, 54). В финале этой сцены наделенный литературным талантом Самозванец с восторженным чувством скрепляет новый союз с судьбой (не Богом!) стихами, позиционируемыми им как пророческие: «*Musa gloriae coronat, gloriae musam* <“Муза венчает славу, а слава – музу”. — Л. С.>». Однако латинские вирши образованного беглого инока, нарушившего обет Богу, украшательски, как по правилам учебника стихосложения, лишь обрисовывают происходящее и останутся риторикой. Трагический итог возвышения Григория Отрепьева известен...

Эпизод величания Самозванца неистинным *поэтом* вскрывает логику исторической мысли Пушкина, онтологически укорененной в чувстве поэтического, в самой стихии пушкинской поэзии. Как видим, в художественном мире Пушкина историческая правда и пророчество о будущем соединяются, взаимодействуют и взаимообуславливают друг друга в модусе вдохновения *поэта*. И то, и другое, по мысли Пушкина, должно быть наитием или завещанием *от Бога*...

Заключение

Как убеждаемся, отмеченное в «Истории села Горюхина» ироническое противопоставление занятий историей литературному творчеству лишь

подчеркивает постоянное взаимодействие в творчестве А.С. Пушкина мотивов памяти, воображения и литературного творчества, поэзии с историей и наоборот. Поэтологические коннотации трагедии «Борис Годунов» требуют более детального исследования, так как раскрывают пушкинскую логику и онтологическое родство поэта и историка. По мысли Пушкина, занятия историей и поэзией одного духовного корня и должны быть стоянием перед Богом.

Литература

- 1- Гайворонская Л.В. (2012). *Поэтическое вдохновение в творчестве А.С. Пушкина (опыт герменевтического прочтения)* // Болдинские чтения 2012. Изд-во «Большое Болдино». С. 165-178.
- 2- Гайворонская Л.В. (2011). *Семантика времен года в художественном мире А.С. Пушкина: Учебное пособие для вузов*. Воронеж, Изд-во «НАУКА-ЮНИПРЕСС». 196 с.
- 3- Горохов П.А. (2013). *Философия истории А.С. Пушкина* // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 7 (156). С. 96-104. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-istorii-a-s-pushkina> _____ (дата обращения 27.09.2016).
- 4- Кошемчук Т.А. (2016). *Отрывочные прозрения (статьи о русской литературе). Из увиденного (Итальянские письма)*. М.-СПб., Изд-во «Центр гуманистических инициатив». 268 с.
- 5- Мещерякова А.О. (2015). «Поэтический консерватизм» в эпоху Николая I // *Тетради по консерватизму*. 2015. № 4. С. 71-79. URL: http://www.isepr.ru/upload/iblock/e9c/tetradi-15_4a.pdf (дата обращения 14.10.2016).
- 6- Никишов Ю.М. (2015). *О пророчествах А.С. Пушкина* // *Studia Humanitatis*. 2015. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-prorochestvah-a-s-pushkina> (дата обращения 29.09.2016).
- 7- Попова И.Л. (1999). *Творческая история «Повестей Белкина»* // *А.С. Пушкин Повести Белкина* / Ред.-сост. Н.К. Гей и И.Л. Попова. М., Изд-во «ИМЛИ РАН, Наследие». С. 181-206.
- 8- Пушкин А.С. (1994 – 1997). *Полн. собр. соч.: В 17-ти т.* М., Изд-во «Воскресенье», 1994 – 1997.

- 9- Стебенева Л.В. (2013). «Бессмертие души моей...»: к вопросу о генезисе пушкинского стихотворения «Я памятник себе воздвиг» // *Проблемы исторической поэтики: сб. науч. тр.* / [редкол.: В. Н. Захаров (отв. ред.) и др.]. Т. 11: *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр*. Вып. 8. Петрозаводск, Изд-во М-во образования и науки РФ, ФГБОУВПО ПетрГУ. 2013. С. 93-107.
- 10- Стебенева Л.В. (2015). *Семантика календаря и хронология событий в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина* // *Болдинские чтения 2015*. Саранск. С. 80-89.

Bibliography

- 1- Gajvoronskaja L.V. (2012). *Pojeticheskoe vdohnovenie v tvorchestve A.S. Pushkina (opyt germenevticheskogo prochtenija)* // *Boldinskie chtenija 2012*. Izd-vo «Bol'shoe Boldino». S. 165-178.
- 2- Gajvoronskaja L.V. (2011). *Semantika vremen goda v hudozhestvennom mire A.S. Pushkina: Uchebnoe posobie dlja vuzov*. Voronezh, Izd-vo «NAUKA-JuNIPRESS». 196 s.
- 3- Gorohov P.A. (2013). *Filosofija istorii A.S. Pushkina* // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. № 7 (156). S. 96-104. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-istorii-a-s-pushkina> (data obrashhenija 27.09.2016).
- 4- Koshemchuk T.A. (2016). *Otryvochnye prozrenija (stat'i o russkoj literature). Iz uvidennogo (Ital'janskije pis'ma)*. M.-SPb., Izd-vo «Centr gumanisticheskikh iniciativ». 268 s.
- 5- Meshherjakova A.O. (2015). «*Pojeticheskij konservatizm*» v jepohu Nikolaja I // *Tetradi po konservatizmu*. 2015. № 4. S. 71-79. URL: http://www.isepr.ru/upload/iblock/e9c/tetradi-15_4a.pdf (data obrashhenija 14.10.2016).
- 6- Nikishov Ju.M. (2015). *O prorochestvah A.S. Pushkina* // *Studia Humanitatis*. 2015. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-prorochestvah-a-s-pushkina> (data obrashhenija 29.09.2016).
- 7- Popova I.L. (1999). *Tvorcheskaja istorija «Povestej Belkina» // A.S. Pushkin Povesti Belkina* / Red.-sost. N.K. Gej i I.L. Popova. M., Izd-vo «IMLI RAN, Nasledie». S. 181-206.
- 8- Pushkin A.S. (1994 – 1997). *Poln. sobr. soch.: V 17-ti t.* M., Izd-vo «Voskresen'e», 1994 – 1997.

- 9- Stebeneva L.V. (2013). «*Bessmertie dushi moej...*»: *k voprosu o genezise pushkinskogo stihotvorenija «Ja pamjatnik sebe vzdvig» // Problemy istoričeskoj pojetiki: sb. nauch. tr. / [redkol.: V. N. Zaharov (otv. red.) i dr.]. T. 11: Evangel'skij tekst v ruskoj literature XVIII–XX vekov: citata, reminiscencija, motiv, sjuzhet, zhanr. Vyp. 8. Petrozavodsk, Izd-vo M-vo obrazovanija i nauki RF, FGBOUVPO PetrGU. 2013. S. 93-107.*
- 10- Stebeneva L.V. (2015). *Semantika kalendarja i hronologija sobytij v «Kapitanskoj dochke» A.S. Pushkina // Boldinskie čtenija 2015. Saransk. S. 80-89.*

حافظه و خاطرات تاریخی، تخیل و خلاقیت ادبی به عنوان ریشه‌های تاریخی در
آثار آ.س. پوشکین

لیودمیلا واسیلیونا ستبینوا*

دانشیار گروه زبان و ادبیات آکادمی مدیریت اجتماعی

مسکو، روسیه

(تاریخ دریافت: دسامبر ۲۰۱۶؛ تاریخ پذیرش: فوریه ۲۰۱۷)

مقاله حاضر به تحلیل پژوهش‌های انجام شده در پنج سال گذشته که در آنها علاوه بر موضوع تاریخ در آثار پوشکین، مسئله حافظه تاریخی نویسنده به عنوان پدیده ذهن خلاق پوشکین نیز بررسی شده است، می‌پردازد. بر خلاف پژوهش‌های دیگر، ما به بُعد پیدایش و منشأ حس تاریخی پوشکین می‌پردازیم. حوادث تاریخی ثبت شده در یاد مردم یا تاریخ همیشه موضوعات مورد علاقه پوشکین بودند اما در دنیای ادبی و هنری پوشکین حق داشتن حافظه تاریخی تنها به خود شاعر تعلق دارد. خاطرات، الهام‌بخش موضوعات تغزلی اند و خاطراتی که با «نگرانی‌های شاعرانه» محصور شده‌اند، در یک لحظه به تخیل و الهام تبدیل می‌شوند. شخصیت شاعرانه پوشکین نه تنها نگهدار خاطرات گذشته است، بلکه به حقیقت نایل می‌شود و از آینده خبر می‌دهد. بنابراین، در آثار پوشکین حقایق تاریخی و پیشگویی آینده در الهامات شاعرانه او ارتباط تنگاتنگی با یکدیگر دارند. همین مفاهیم شاعرانه هستند که به تراژدی تاریخی پوشکین یعنی «باریس گادونوف» جلوه ویژه‌ای بخشیده‌اند.

واژگان کلیدی: آ.س. پوشکین، خاطرات، تخیل، خلاقیت و ذوق ادبی، شاعر و تاریخ.